Начал свою деятельность казак Наурской станицы Моздокского полка Яков Алпатов воровством телушки у соседа в 1842 году

Федор Чернозубов. Очерки Терской старины. Яшка Алпатов 1842-1856. // Русский архив. Историко-литературный сборник.1912. Выпуск 1.— М. 1912. С. 71

Начал свою деятельность казак Наурской станицы Моздокского полка Яков Алпатов воровством телушки у соседа в 1842 году. Он попался в краже и был высечен в станичном правлении. Самолюбивый казак не вынес порки и по примеру многих—бежал к непокорным Чеченцам. Тут он сейчас же сошелся с тремя беглыми, Филатом Алешечкиным, Зотом Чериным и Михеем Гуляевым (Корчагиным) которые и приняли его к себе в товарищи. С Чериным, двумя Чеченцами и беглым солдатом-поляком совершил Алпатов свой первый набег, переправившись через Терек у поста Нижнепрогонного. В окрестностях Червленной шайка захватила четырех пасшихся лошадей, но, попав под огонь секретных казаков, бросила добычу и только с большим трудом спаслась. Быть может, эта неудача, а вернее тоска по семье, заставила скоро Алпатова стремиться в станицу. Родные исхлопотали ему у начальства прощение.

Алпатов вернулся домой к жене и двум детям, но стал совершенно другим человеком: часто загуливал, с начальством держал себя как-то вызывающе и ходил хмурый, всегда погруженный в какую-то думу. Разговаривать стал казак мало, хотя и был по природе человеком общительным и живым. Попробовал, значит, казак вольной жизни и стал тосковать по природе. А тут, слыша рассказы о прошлой свободной жизни казаков, сопоставлял он с нею все более и более усиливающийся гнет начальства. Трудно Алпатову было смириться перед не всегда справедливыми властями.

Вскоре настроение и думы Алпатова выплыли наружу. 1845 год был весьма урожайный, а потому осенних свадеб было очень много. Пируя в числе гостей на одной вечеринке, Алпатов вместе с другими плясал, пел и веселился. Все, согласно обычаю, сидели в шапках. В папахе был и Яшка. В самый разгар веселья пришел и станичный начальник Федор Иванович. Все встали, обнажив головы. В папахе остался лишь один Яшка. Всем присутствующим стало не по себе. Ведь в те времена поступок Алпатова считался большим преступлением. Покоробило и станичного начальника, который должен был, конечно, поддержать свой авторитет. Властный взгляд, брошенный на Яшку, а потом на гармониста, заставил последнего остановиться. Все сразу стихло. Парни робко жались по углам, все ждали бури. После небольшого, неловкого для всех затишья, начальник подошел к Яшке, а потом сказал: «А ты, бродяга, не хочешь снять шапки?» И звонкая пощечина огласила казацкую хату. Яшка не моргнул даже глазом: он, стало быть, шел на это. Потом, молча, закинув руку назад, выхватил Алпатов из-за пояса пистолет и в упор направил в голову своего обидчика. Но, подержав, немного оружие, он сказал: «Не тебя, а твоих детей жаль; живи пока!». И, пользуясь всеобщим ужасом и изумлением, Алпатов быстро шмыгнул из хаты. На улице раздался пистолетный выстрел. Все поняли протест Яшки против

начальства.

В ту же ночь Яшка уворовал двух лошадей у командира полка полковника барона Аминова и скрылся с ними в горы. Начальство поняло свою оплошность и подрыв престижа власти, а потому поспешило арестовать станичного начальника на неделю за непринятие должных мер к пресечению бегства Алпатова. Но это делу конечно не помогло. Лазутчики вскоре донесли, что Яшка за Тереком. О нем забыли, но впрочем, ненадолго.

В ночь под 8 Апреля 1845 года беглые казаки Филат Алешечкин, Тимофей Свиткин, Зот Черин, Яков Алпатов и пять Чеченцев, захватили недалеко от Наурской станицы нескольких лошадей и быков. Возвращаясь с добычей и переправляясь через Терек, шайка наскочила на казачий секрет. Выстрелы заставили хищников бросить волов на острове посреди Терека, а с лошадьми ускользнули в горы. Но с дороги Черин вернулся для розыска утерянного кинжала и пистолета и попался вместе с тремя Чеченцами в руки преследовавших шайку казаков. Он был доставлен, в Наур, судим военным судом и расстрелян в Червленной станице при собрании со всех станиц Гребенского полка служащих и не служащих казаков по двадцати пяти человек.

Об участи Зота Черина конечно скоро узнал Алпатов; казнь и скорбь по товарищу служить толчком для развития его мстительности, предприимчивости и смелости. С начала 1846 года о Яшке заговорили не только Наурцы, но почти вся Линия по Тереку. Его отчаянные, до дерзости смелые разбойничьи набеги на нашу сторону доставили нам очень много хлопот: только и было разговору про Яшку. Там угнал он табун лошадей, там взял в плен кого-нибудь. Не было от него житья. Зимой, когда хищникам трудно было найти место для ночлега, и летом, когда Терек делался полноводным, про Яшку не было слышно. Зато весною и осенью работал Алпатов со своею шайкой вовсю.

Иногда появлялся Алпатов в станице и один. Наденет офицерскую форму и никто не подозревает в нем разбойника. Лишь потом, когда уедет, начнут догадываться, кто был встреченный офицер. Много раз приезжал он к жене, и только впоследствии, когда власти стали следить за домом, прекратил Яшка свои посещения.

Бывало, встретит Алпатов какого-нибудь казака в поле, остановить его и сейчас же спрашивает: «Есть у тебя ружье?». Было ружье, все сходило хорошо, разве отберет провизии для шайки. Но не случись у встреченного ружья, приказывал Алпатов казака хорошенько отодрать, а потом говорил: «Это тебе за то, что ездишь без ружья. Теперь время опасное, а казак без ружья все равно, что баба. Поедешь в станицу скажи, что тебя высек Яшка». В этой заботе о поддержании казачества крылась конечно глубокая ирония по адресу начальства, допустившего падение военных нравов, а также желание поднять дух у тех, за которых Алпатов отказался от веры и семьи, но которых так любил последний воровской атаманъ действительно вольных Терских казаков.

К убийствам Яшка прибегал лишь в крайности, расправляясь с

сопротивлявшимися и спасая свою жизнь. В плен забирал только женщин и девушек. Товар этот высоко ценился у Чеченцев: из Наурской станицы, с хутора Атарщикова он увез в плен двух родных сестер Пятирублевых, которые и были отданы в жены каким-то князьям. Впоследствии, когда кончилась война, они, говорят, приезжали в станицу, но остаться уже не захотели, а вернулись...